

Текст · 11 января 2024, 10:19

Анна Павлова,

«Наша тюремная система нашла себе нового врага, этот враг — мусульмане». Выступление Алексея Навального в Верховном суде

Верховный суд рассмотрел два иска Алексея Навального к Минюсту, в которых он требовал признать недействительными несколько пунктов правил внутреннего распорядка (ПВР) в колониях. Первая жалоба касалась запрета иметь более одной книги в ШИЗО, ПКТ и ЕПКТ, а вторая — ограничения на прием пищи в 15 минут, из-за чего заключенные вынуждены есть горячую еду в спешке. Судья Олег Нефедов отклонил оба иска. Сам политик выступил на заседании по видеосвязи из ямальской колонии ИК-3. «Медиазона» публикует его речь с незначительными сокращениями.

«В рамках необъяснимой борьбы с изучением ислама в тюрьмах страдают и все остальные». Иск об ограничении религиозной литературы

Я очень рад быть сегодня в Верховном суде. Я постоянно думал о Верховном суде в последнее время. И постоянно думал о вас, ваша честь, в последнее время. Потому что меня возили долго по этапу, 20 дней. Прятали в каких-то спецблоках. Я думал: «Кто же меня найдет?». И потом я вспоминал, что судья Нефедов из Верховного суда точно меня найдет. И поэтому в любом случае 11 января все узнали о том, где я сижу.

Судья Нефедов просит Навального перейти ближе к делу: «Мы вас нашли, давайте по существу попробуем работать».

Вы меня нашли, а я перехожу к существу. Важная вещь. Мне кажется, мое выступление будет достаточно важным для суда. Потому что, согласно нашим указам, суд должен принять во внимание все обстоятельства дела. А главное обстоятельство дела, оно неизвестно суду. И судя по всему, оно неизвестно ни Минюсту, ни Генпрокуратуре. Ну, судя по тем возражениям, которые они предоставляют. То есть мы спорим о чем-то, но суть происходящего в том, что почему в ПВР^[1] включены вот эти странные, абсолютно незаконные пункты, никто не знает.

И понятно, почему вы не знаете. Потому что вы находитесь, как бы, к счастью, вне этой системы. А я нахожусь внутри.

Приходит ко мне в ШИЗО батюшка, настоятель церкви, это был Роман Владимирович Столбов, это было в ИК-6. Он бы вам очень понравился. Очень консервативный человек. Мы с ним отлично поговорили, он [неразборчиво] Европу, говорил, что

на машине у него буква Z, но тем не менее очень хороший человек, прекрасный батюшка. Мы действительно с ним отлично поговорили.

Он пришел ко мне один раз в ШИЗО, потом пришел второй раз, сказал: «У меня для тебя подарок. Даю тебе Закон Божий». Книжку, Закон Божий. И эту книжку у меня сразу забрали. Хотя батюшка говорит: «Дайте ему, ему же нужна одновременно и Библия, и Закон Божий». Потому что он мне сказал: «Алексей, читать Закон Божий без Библии, ну, бессмысленно, пожалуйста, читай вместе». А я ему говорю: «А я не могу». Потому что новые ПВР сделаны таким образом, что может быть только одна книжка, в том числе религиозного содержания, в моей камере ШИЗО.

И он смотрит на мою большую камеру, он смотрит на мой большой стол, он смотрит на мою полочку и говорит: «Как же так? Здесь полно места для двух, трех, десяти книг».

Но нет. При этом вот такое странное решение, что [у заключенного может быть] только одна книга, включая религиозные книги. При этом, уважаемый суд, уважаемый ответчик, уважаемый представитель Генпрокуратуры, если мы посмотрим ПВР, которые действовали всего лишь полтора года назад, мы увидим, что была разрешена книга, а также еще одна религиозная книга в том же самом ШИЗО. А если мы заглянем в такую древность, как всякие ПВР советских времен, или просто почитаем книжку советского диссидента Щаранского, например, он там пишет: «В ПКТ пять книг мне разрешено».

То есть в советские времена было больше разных книг. Потом было две книги, а сейчас одна. А уважаемые представители ответчика пытаются нам доказать, что это происходит из-за некой физической аномалии. Что якобы тумбочка становится все меньше и меньше по своей вместимости, и поэтому негде хранить книги.

Но это не тумбочка становится меньше. А есть главное обстоятельство, ваша честь. И я хочу, чтобы суд очень хорошо понимал это все, чтобы Верховный суд понимал это очень хорошо. Потому что это большая, в том числе, если хотите, содержательная политическая проблема.

Наша тюремная система, большая организация, нашла себе нового врага. Этот новый враг называется мусульмане. И мусульмане, исповедующие ислам, и изучающие ислам. И именно для этого, для борьбы с так называемым «зеленым движением» придумываются постоянно какие-то ограничения, которые мешают людям изучать ислам.

Алексей Навальный, 11 января 2024 года. Фото: Александра Астахова / Медиазона

[Неразборчиво] Я часто слышу, что кто-то за стеной молится. И в любом СИЗО вы услышите молитву мусульманина. Потому что в результате нашей операционной политики, социальной политики тюрьмы, уважаемый суд, наполнены мусульманами и немусульманами. Их очень много.

И представители ФСИН почему-то находят огромную угрозу в том, что люди изучают ислам. Потому что, ну, как бы, говоря по-простому: существует, ну, некий «черный движ», то есть правила, которые устанавливают профессиональные преступники, существует «режимный», или «красный», порядок, который устанавливает администрация, а еще существует сейчас, как считается, некий «зеленый движ». Извините уж, пожалуйста, что я в Верховном суде употребляю такого рода выражения, просто невозможно заменить их ничем.

То есть это мусульмане, которые, изучая ислам, они, ну, якобы предполагается, будут любые другие правила отрицать, они будут объединяться по принципу изучения ислама и тем самым будут противопоставлять себя администрации и диктовать некие свои правила. Эта конструкция абсолютно выдуманная, искусственная, несуществующая.

Но тем не менее вот этот вот придуманный враг — «зеленый движ» — он имеет абсолютно реального противника. Один из этих противников — ПВР.

Пример, уважаемый суд. Вот когда вы сейчас зачитывали то, что можно брать с собой в камеру СИЗО, вы, наверное, не обратили внимания, вы

сказали: «Это религиозный предмет нательного ношения». А в предыдущих ПВР было: «нательного ношения или карманного ношения». Почему? Потому что крестик можно, а четки теперь нельзя.

Ну кому мешали эти четки? Ну понятно же, у православных тоже бывают четки, у католиков бывают четки, но гораздо реже. Понятно, что это сделано для того, чтобы мусульманин не мог принести четки в ШИЗО. Почему это делается? Никто не понимает. Это абсурдная вещь.

Но в рамках вот этой вот своей странной, очень загадочной, необъяснимой борьбы с мусульманами, с изучением ислама в тюрьмах страдают и все остальные. Страдают и мусульмане, страдают в том числе и христиане. Я не буду, уважаемый суд, претендовать на то, что я великий религиовед или, там, большой знаток. Но в рамках подготовки к этому процессу мы побеседовали с большим количеством священнослужителей всех конфессий, и это единое мнение: что католикам, что православным, что мусульманам различных течений для нормальной практики, ежедневной религиозной практики, нужно две или три разных книги. Мне нужны две или три книги. Мне нужен Новый Завет и Псалтирь.

Они мне нужны ежедневно. Законодатель это понимает. И законодатель прописал: «Десять книг положено осужденному Навальному». Тем не менее ФСИН отказала. Ну, я уверен, что это не Минюст придумал, я уверен, что это придумала, конечно, ФСИН, а Минюст просто утвердил это, потому что они не поняли подводное течение этого всего.

Почему я не могу сидеть в камере вместе с Новым Заветом и вместе с Псалтирью? Никто не может мне ответить на этот вопрос. Но мы понимаем почему.

Потому что я, уважаемый суд, видел, какие книги у осужденных. Там исключительно исламские книги. Кто здесь сидит, я не знаю, пока еще никого не видел, в моем предыдущем ПКТ я был один русский. Все остальные — мусульмане и (я не говорю, что все, но многие) практикующие мусульмане. И для того, чтобы они не могли практиковать, им не дают иметь достаточное количество книг.

Это абсолютно абсурдно и безумно. Пока еще за всю историю человечества никому не помешало это все. Если ты хочешь практиковать свою религию, ты будешь ее практиковать. Но это делается для того, чтобы усложнить твою жизнь.

Хочешь иметь Коран в камере? Значит, кроме Корана, у тебя ничего не будет. У тебя не будет даже газеты, если ты требуешь Коран. Понятно, что если он верующий и мусульманин, ему нужен Коран.

Хочешь Коран? У тебя не будет даже газеты, кроссворда. Человек все-таки в камере проводит 16 часов в день. В ШИЗО и ЕПКТ, уважаемый суд, чтобы вы понимали, у тебя там просто есть лавка — и все. Ты читаешь книгу и смотришь в стену. Тебе нужен Коран, но если ты его берешь, тебе не дадут ничего другого.

Предполагается, что ты можешь попросить у инспектора, инспектор тебе быстро заменит [книгу]. Но он не заменит тебе ничего. Потому что инспектор

— это самый занятой человек. Он просто постоянно чем-то занят и тебе точно ничего менять не будет.

И это делается исключительно для того, чтобы мусульмане были ограничены в возможности изучать свою религию. И были ограничены в возможности проносить книги, за исключением, потому что Коран тебе точно нужен, но какие-то другие книги, возможно, опасные или, возможно, экстремистские^[2], ты уже не принесешь.

Я больше скажу, уважаемый суд, просто реалии тюрьмы таковы, что зона очень часто — или ЕПКТ — очень холодное место. Люди, знаете, для чего газеты туда берут? Чтобы накрываться. Потому что с газетой, я тут докладываю суду, гораздо теплее спать, например, чем без нее. И тебе эта газета нужна просто для того, чтобы не мерзнуть. Ты взял уже газету — все, у тебя уже твоего Корана не будет. Понятно, что, выбирая между газетой и Кораном, ты выберешь Коран. Но вот, значит, тогда мерзни.

Для чего это делать? Это... Ну, вот вы все умные, интеллигентные люди в Верховном суде, вы понимаете, что эти меры абсурдны. Они не предотвратят рост экстремизма, даже если этот рост экстремизма не придуман, а реальный. И они не приведут ни к чему. Но те люди, которые это прописали, они этого не понимают. И я очень хочу — на самом деле, я не знаю, какой будет исход сегодняшнего дела в Верховном суде, — чтобы вы, ваша честь, вы все-таки Верховный суд, вы, не знаю, председатель Верховного суда или кто-то, вы поговорили бы со ФСИН и объяснили бессмысленность этого всего.

Ну, безусловно, проблема исламского экстремизма существует. И эти экстремисты сидят в тюрьме. И террористы сидят в тюрьме. Такая проблема есть. Ну, так если вам хочется с этим как-то бороться, заниматься этим, так вот же они сидят. Тогда дайте им другие книги. Дайте им с вашей точки зрения хорошие книги. Пусть к ним придут священнослужители в камеру. Пусть тогда идут какие-то дебаты на этот счет. Если этот человек ваххабит, попытайтесь переубедить его. Но когда у мусульманина просто забирают четки методом [неразборчиво], просто забирают еще одну книгу, это приводит к чему? Это приводит просто к озлоблению. Вот тогда понимаешь: что власть такая. Что у нас, извините меня, в УИКе права религиозные прямо начинаются? В каждой колонии формально сделали молельную комнату. На словах все твои религиозные права соблюдаются, [но] у тебя отняли четки, у тебя отняли книгу.

Каждый раз, я вам могу просто рассказать, приезжаешь куда-то на этап, обыскиваешь свои вещи. На все мои вещи всем всегда было бы плевать. Их обыскивают, тщательно смотрят, но как бы не обращают внимания. Но у меня есть с собой Коран, у меня есть несколько исламских книг. Сразу как будто, понимаете, у меня бомба лежит в чемодане: «А это вам зачем? А что это такое? Да вы же православный, зачем вам Коран, зачем вам вот это?». Просто наша система смотрит на любую вещь, которая относится к исламу, как на заведомо угрожающий предмет. И это абсурдно, это неправильно, а главное, уважаемый суд, это ведет к ровно обратному результату. Люди озлобляются. Человек же понимает, что вот его посадили, так у него еще просто книгу религиозную отняли.

Это, ваша честь, я описал ситуацию в общем. Что касается конкретно меня... Я помню, что вы на одном из наших процессов говорили, что мы рассматриваем абстрактную норму закона. Так вот, абстрактная норма закона, как я уже сказал, прямо нарушает мои религиозные права. УИК^[3] говорит, что у меня есть десять книг. В этих десяти книгах есть религиозные книги. Мне нужно две книги для постоянной практики моей религии. Моя религия — это православное христианство. И любой, любой деятель православного христианства вам скажет, что для ежедневной практики нужно больше одной книги. Мне одной книги не хватает. Это прямо нарушает мои религиозные права. Это первое.

Это нарушает мои права на обучение. Я сижу 16 часов в камере. Мое право на самообучение зафиксировано в УИКе в том числе. И зафиксировано

в ПВР. Но для того чтобы проводить самообучение, недостаточно же одной книги? Ну, мне нужна, там, ну, не знаю... Если иностранный язык ты учишь, тогда книжка, рабочая тетрадь, словарь. Ну то есть, тебе все равно нужны две или три книги, но ты не можешь это сделать, потому что ПВР почему-то запретил это все. Поэтому я, как бы, еще раз возвращаюсь к главному. В рамках вот этой странной борьбы с изучением ислама в тюрьмах мы — вот это определение «мы» [подразумевает] ФСИН — вместе с водой выплеснули ребенка, извините за такую банальность. Потому что для того, чтобы у кого-то не было книги, которая кажется экстремистской, запретили учебники, запретили всю религиозную литературу, запретили, пожалуйста, предметы религиозного культа карманного ношения. Ну и так далее, и так далее, и так далее.

Это просто абсолютно абсурдная вещь, и это прямо нарушает мое право. Законодатель сказал, что мне гарантированы десять книг. Я хочу иметь в своей камере десять книг. Они мне нужны для обучения, они мне нужны для религиозной практики. Извините, пожалуйста, что я так долго говорил, но это очень важная вещь.

Алексей Навальный, 11 января 2024 года. Фото: Александра Астахова / Медиазона

«Вы должны давиться этим кипятком, давиться своей едой». Иск об ограничении времени на еду

И сейчас, когда я перейду (постараюсь короче) ко второй части, которая касается ограничения на время питания. Она кажется человеку, который не сидит в тюрьме, ну, какой-то ерундой, ну, в конце концов, сократили тебе время питания до десяти минут — мне сократили в одной ситуации до 15 минут, в другой ситуации до десяти минут. Ну и все на это говорят: «Ну, какая ерунда, я вообще завтракаю за три минуты». И все мы завтракаем, там, что-то перекусил, побежал за три минуты и оказался на работе. Но в реальной жизни, уважаемый суд, если вы позавтракали за три минуты один раз в день, а пообедали за 15 минут, потому что у вас очень много заседаний, вы пришли домой, и вы спокойно поужинали, и вы ели столько, сколько вам нужно времени на еду.

Я в моей ситуации, когда колония начала различным образом со мной бороться и вводить разные ограничения, законные и незаконные, они, в частности, придумывали такую странную вещь. Они ввели ограничение на десять минут. За десять минут поесть нельзя. Если вы каждый день едите за десять минут, то еда, знаете, превращается в довольно сложный процесс. Потому что одна из таких привилегий, ну, особенностей ЕПКТ и ШИЗО: я могу получить две кружки кипятка. И я их жду. Это три прекрасные минуты моего дня, когда мне приносят две кружки кипятка. Я получаю две кружки кипятка и два куска отвратительного хлеба. И я хотел нормально выпить этот кипяток и нормально

съесть этот хлеб. Но за десять минут я должен, значит, давиться этим кипятком. И это сделано исключительно для того, чтобы человек не мог нормально поесть.

Я больше скажу. Мы открываем прайс-лист так называемого ларька в колонии. И там мы видим самый ходовой товар, который покупают осужденные. Что это? Доширак. Ваша честь, пробовали когда-нибудь доширак? Рекомендую. Отличная вещь. И этот отличный доширак становится отличным, только если вы его заварили и он в соответствии с инструкцией у вас постоял семь минут или десять минут. И после этого вы можете спокойно съесть — он стал очень горячим. А если у вас всего десять минут, за эти десять минут вам выдают еду, вы ее получаете, вы должны, там, помыть ложку и так далее, то есть в итоге получается, что вы должны давиться этим кипятком, давиться своей едой, и вы не можете нормально поесть. Ну, конечно, вы сидите 16 часов, сидите в ШИЗО и сидите еще и голодные. Поэтому вы ждете, безусловно, этой еды. И сделано все таким образом, чтобы вот эти единственные приятные минуты превращались в минуты совершенно адские.

Представитель Минюста, конечно, он скажет: «Ну, это же у вас просто странная колония. Эти странные люди, они придумали такие решения, потому что, ну, это выглядит безумно, мы так не устанавливали».

Но здесь действительно нормально... Я сюда приехал, и они мне дают нормальные, стандартные полчаса, чтобы поесть. Но если вы сделали такой ПВР, который позволяет безумным людям, странным

колониям — ну, то есть есть плохие колонии, есть глупые начальники, есть начальники — преступники, бандиты, просто фашисты. Вы отлично знаете, как устроена наша тюремная система. Во Владимирской области сумасшедшие работают и в управлении, и конкретно в [неразборчиво] фашисты. Просто злобные, агрессивные какие-то, не буду никаких эпитетов... Они придумывают эти штуки. Но вы сделали такие ПВР, уважаемые ответчики, которые позволяют им придумывать эти штуки. И они реализуют это на практике.

Мы обжаловали же это в суде. Мы ходили в Ковровский суд. И в Ковровском суде нам сказали, что, ну, нашим [правилам] соответствует, там же написано: «До получаса». «А у вас здесь до получаса? — До получаса». И мы в процессе спросили у ответчиков: «А три минуты можете поставить?». Они сказали: «Можем. Можем три, можем одну поставить. Тут написано: "До тридцати минут". У вас нормальные десять минут. Это до тридцати минут. Поэтому пейте свой кипяточек за десять минут и радуйтесь, что вам вообще их дают». Вот и все.

Это все, что я хотел сказать, уважаемый суд. Я поддерживаю наши исковые требования. Я прошу суд действительно принять все обстоятельства во внимание и не отмахиваться от этого всего. Потому что, ну, это такая суровая жизненная практика наших тюрем, но она касается не только меня, она касается тысяч и десятков тысяч людей в их ежедневной жизни. Из вот таких вот мелочей строится огромная, огромная несправедливость, которая творится каждый день. Спасибо.

Редактор: Мария Климова

-
1. Правила внутреннего распорядка.
 2. Вероятно, Навальный имел в виду с точки зрения ФСИН.
 3. В этом случае Уголовно-исполнительный кодекс.